

Павел ЗАМАРАТСКИЙ¹

«ПОЭТ ЖИВЁТ НА НЕБЕСАХ»

Великие поэты стоят на гранитном пьедестале, скрестив руки на груди и впериваясь взором вдаль. Их стихи насильно впихивают в нас, когда мы сидим за школьными партами, заставляют пережёвывать, усваивать, выучивать наизусть ещё в то время, когда мы не только не способны понять стихотворение, но даже не можем безошибочно написать слово «корова». Великие поэты обязательно вне зоны доступа. Они, возвышаясь, маячат на горизонте, и, конечно, чужды всего бренного, земного. Значит, великим поэтом не может быть твой знакомый, твой сосед по даче или твой одноклассник. Не может быть пророка у тебя под боком.

Поэтому, когда я в одну прекрасную минуту, понял, что мой давний приятель Сковорода — великий поэт, я впал, как сегодня принято говорить, в изменённое состояние, и мысли были такие: «Этого не может быть!» Несколько придя в себя, при этом не выбравшись из изменённого состояния, я вновь открыл сборник стихов «Свет надежды» Владимира Сковорода, подаренный мне автором в 1997 году с тёплой и трогательной надписью. Тогда я, поблагодарив Володю, просмотрел несколько стихов и убрав книжку в портфель, позабыл о ней. И напоролся на неё спустя несколько долгих лет. Снова тщательно перечитал несколько стихотворений подряд. И они перевернули мои мозги электрическим разрядом.

¹ **Замаратский Павел Геннадьевич** родился в 1954 году в Иркутске в семье учителей. После службы в армии поступил в 1975 году на дневное отделение факультета журналистики ЛГУ им. Жданова, в 1980 году — выпускник университета. Работал в общественно-политической газете «Ладога» Кировского района Ленинградской области, был ответственным секретарём, стал автором знаменитой рубрики САЛАТ (Сатирический ЛАдожский Трал). П. Замаратский — автор нескольких книг. Член Союза журналистов РФ. Живёт в Петербурге

Но — поговорим о его творчестве. Вот — простенький вроде бы стих, который называется «В юности»:

*Коровка Божья на руке / И стрекоза на шляпе Верки,
Кувшинка светится в реке / Огнём из газовой горелки.*

*Цветы и солнце на лугу, / И пенье птиц на всю округу.
А мы сидим на берегу / И улыбаемся друг другу.*

Объём стихотворения — меньше двухсот знаков. Краткое же описание его в прозе заняло бы более четырёх с половиной тысяч знаков. То есть потребуется в двадцать два раза больше чернил и бумаги. Это и есть настоящая поэзия — когда несколько слов живописуют картину, на отражение которой в прозе уходит несколько абзацев. Когда созданное несколькими словами поэтическое пространство не укладывается в страницу машинописного текста, вываливается за его пределы. Уходит в иные измерения. И когда эти несколько слов рождают в душе эмоциональный, чувственный отклик, захлёстывающий и отринывающий игру ума, делающий нелепой попытку разъять гармонию алгеброй. И когда эти несколько слов долго не можешь забыть, а, вспоминая их, ощущаешь радость, как от приятной встречи. Это стихотворение показывает автора как тончайшего лирика, создающего из простых слов яркое, солнечное полотно, которое, несмотря на весь свой оптимизм, рождает в душе тихую грусть по светлым ощущениям и чувствам ушедшей юности.

Мощь лирического дара, его остроту Скворцов демонстрирует и в своей любовной лирике:

*Прости. / Я, видимо, уйду. / Непонятый, покину стаю.
И птицей, мёрзнущей на льду, / Я в одиночестве растаю...
Я — весь в себе, / Я — вдалеке,
Ты мне напрасно повстречалась.
Любовь слезинкой по щеке / Ползла...
И тихо оборвалась.*

Яркое, сильное, скальпельной остроты стихотворение, вскрывающее состояние, когда запредельность переживаний микшируется, сглаживается осознанием неизбежности разрыва. Острая боль переходит в ноющую, но распространяется на весь организм, всё, даже дальние уголки мозга, охватывает душу, не даёт жить, петь, спать.

Птица вырывается из стаи — и её отбрасывает пронизывающим ветром в сторону, назад и вниз. Другие, оставшись в клине,

который обвивают и сплачивают в единую массу турбулентные потоки, улетают вперёд. А тебя отбрасывает в сторону. И, обессиленный, измотанный необходимостью в одиночку противодействовать ветру, ты оказываешься на льдине. Твоё горячее тело топит лёд, но неумолимая стужа снова замораживает воду, и ты оказываешься в плену, провожая взором улетающую стаю.

«Я в одиночестве растаю...». Какой странный образ — растаю в ледяном плену! Но как цепляет! Какой эмоциональный взрыв порождает! И начинаешь понимать, что птица, по мере удаления стаи, сначала превращается в чёрную точку, а потом и вообще растворяется, тает в мире снежного безумия, пронизывающего ветра, завывающей вьюги.

И ещё один многомерный образ. Слезинка на щеке. Любовь была. Прозрачная и чистая. Правда, солоноватая. Но, когда любовь ещё была, появилась обида — от непонимания. Слезинка. И эта обида разъедала душу, как солёная жидкость щеку. Лирический герой скорбит об утрате любви. Он её, чистую до прозрачности, не забудет. Но она — оборвалась. И пусть теперь вокруг пронизывающий мороз, сковывающий движение лёд, но слезинка оборвалась. И — не разъедает щеку. На место обиды приходит, пусть и скорбящее, умиротворение. Лирический герой понимает свою вину в том, что любовь оборвалась. Значит, он сделал не всё, чтобы его поняли. Он сам вышел за пределы чечевичной монолитности стаи. Однако искать пути спасения любви было невозможно, ведь он весь в себе. Он этим и ценен, что весь в себе. В этом его сущность, смысл его душевной работы: отражать в оттенках глубоко интимных чувств и эмоций окружающий мир. И поэтому приходится страдать, вмерзая в лёд, оставаясь в одиночестве, теряя любовь.

Все мы, живущие после Есенина, испытали не себе его мощное форматизирующее воздействие. И русскому человеку этого невозможно избежать. Можно, думается, сформулировать и ещё определённое: если в твоих стихах нет есенинских ноток, то ты — не русский поэт. Вспомним самое раннее стихотворение Скворцова, точнее, самое известное из его ранних произведений. Называется оно «Осень в деревне»:

Мёрзнет мокрая дорога / С длинным шрамом колеи.

В луже льдинка-недотрога / Силы пробует свои.

*Разрумяненные клёны / Распускают свой убор,
Возле сосенок зелёных / Шелестит осин костёр.*

А у ёлочки-девицы / Есть косметика своя:

Красит инеем ресницы / Перед зеркалом ручья.

*Притаившись где-то рядом, / От волнения сам не свой,
Любопытным впился взглядом / В ёлку тополь молодой.*

*Коркой льда хрустит дорога, / Меркнет небо за рекой.
До зимы, как до порога, / Говорят, подать рукой.*

Не надо быть знатоком поэзии, чтобы увидеть — из каждой строчечки здесь, по-доброму улыбаясь, выглядывает Сергей Есенин. И это хорошо. Когда-то Есенин заявлял, что он — последний поэт деревни. Он, безусловно, прав, ибо предал огласке свои самоощущения, свои чувства. Сказать такое мог только человек, перебравшийся из деревни в город на постоянное проживание. И сказать такое он мог только горожанам. Однако среди тех, на чьём творчестве ясно виден отпечаток патриархально-деревенского уклада, кто всегда пишет о деревне, и даже когда не упоминает о сельской жизни, ощущение того, что поэт и читатель всё равно пребывают в сельской архитектурной среде, был (и есть) Николай Рубцов. Несомненным поэтом деревни среди наших современников является Владимир Сковорцов.

А есть ли рецепт счастливой, благополучной жизни? Чтобы не было таких страданий, на разрыв? Чтобы не пронизывал тело холод одиночества, не настигала организм беспомощность от невозможности движения? Чтобы получать хотя бы толику понимания и признательности? Да, такой рецепт есть. Об этом в стихотворении «Желать и верить», наполненном точнейшим сакральным смыслом высочайшей концентрации:

*Судьба у всех — от Бога ноша, / Но даже в трудные года
Ты думай только о хорошем, / Желай хорошего всегда!*

*Желать и верить — не зазорно, / И если ты приложишь труд, —
Твои желания, как зёрна / Из пашни веры прорастут.*

*И пусть порой слепит пороша, / Но, чтобы солнечным был май,
Ты думай только о хорошем / И всем хорошего желай!*

Задолго до того как в широкое сознание было внедрено представление о том, что наши мысли — материальны, что они определяют качество жизни, что формирование мыслеобраза своей цели, продумывание до деталей, как она выглядит, способствуют скорейшему достижению цели, Сковорцов совершенно чётко сформулировал парадигму достижения счастья — солнечного мая. Для этого надо иметь желания, они должны быть хорошими, и надо стремиться претворить их в жизнь, во-первых, веря в то, что это произойдёт, и, во-вторых, прикладывая для этого усилия,

трудясь для выполнения этого. И, что очень важно, — надо желать всем только хорошего. Чётко, лаконично и правильно, как с точки зрения православной, так и человеческой. И эзотерической.

Чего же желает сам поэт? Об этом он пронзительно-ярко сообщает в стихотворении «Яблоня»:

*В хуторе брошенном, / вся покалечена,
с чёрной безлиственной головой / прячет плоды свои
Яблоня-женщина / в хрупкой, / единственной
ветке живой.*

*Все мы пребудем в объятиях осени...
Пусть посмеётся судьба надо мной,
только бы люди / меня не забросили
так же, / как яблоню с веткой одной...*

Первые же строчки рождают фонтан эмоций, фейерверк чувств, столь мощный, что начинаешь искать виноватого, а на глаза набегают слеза. Искренние чувства высекаются не только профессиональным мастерством поэта, умноженным на его лирический дар, но и тем, что это высочайшее мастерство пульсирует на гребне эмоционального накала: сам поэт потрясён тем, что происходит, и это потрясение вызвано подлинностью трагедии, а не кичем полупьяного шансонного подвальчика типа «Шёл по улице мальчонка, посинел и весь дрожал...» или «Нищий давно просит в раю...».

Эту трагедию не исправить горячей ванной, сытным завтраком или комфортабельным домом для престарелых. Эта трагедия не уровня — «Она красива. У него прыщи. Она сказала: “Встречи не ищи”». Тихо, никому не жалуясь, умирают деревни, унося с собой частички Руси как крестьянской общины. Умирают мучительно медленно, цепляясь за жизнь, протягивая, с мольбой о помощи в эту помощь уже и не веря, жерди пустого скотного двора. Так и появляется хутор брошенный. В этом месте, где когда-то кипела жизнь, её затухающие вибрации сконцентрировались в одной-единственной хрупкой ветке, в которой яблоня-женщина прячет свои плоды. Образ, от которого мороз идёт по коже. И она прячет свои плоды от непогоды, воющего ветра, стужи и леденящего ливня, который вот-вот сменит снег. Зачем она прячет плоды? Она пытается сберечь их для людей, ибо выращивать, холить и лелеять яблоки, вливая в них соки своей души и своего тела, чтобы потом раздать их людям, — её предназначение и её высшая функция. Она прячет плоды не от людей, а для людей. Она ждёт, ког-

да придёт хоть кто-то и сорвёт её яблоко, чтобы насладиться его уникальным ароматом и ни на что не похожим вкусом. Да, сейчас вид у яблок не очень товарный — они не сияют восковым гляncем импортного производства, не восхищают алым бочком, созданным качественным красителем, не поражают гигантским стероидным размером. Некоторые из них асимметричны, покрыты кое-где корочкой парши, обветрены, надкусаны слизняком. Но они дадут силы страннику, освежат его, вдохнут надежду и веру, пробудят любовь.

Но нет никого в округе, потому что хутор — заброшенный, нет странника, которого так ждут и яблоня, и её плоды, изо всех сил цепляющиеся за ветку, но под напором ветра и времени ослабевающие хватку, теряющие связь с живой веткой, с жизнью, и падающие в небытие... И героические усилия покалеченной жизненными обстоятельствами и бытовыми коллизиями яблони, выпестовавшей в единственной оставшейся заскоруждой ветке яблоки правды, истины, творческого озарения, могут пропасть напрасно, не найти своего странника. Это несправедливо, неправильно и так больно! И поэт — для особо сообразительных — повторяет уже сказанное: меня изрядно поколошматила судьба, но я боюсь не новых страданий и физической кончины, а того, что стихи мои, которые я протягиваю людям своей настоящей, живой, искренней сущностью, выстраданные моим неповторимым взглядом на мир, моим индивидуально-неповторимым внутренним миром, останутся не востребуемыми, непонятыми, непринятыми. Брошенными.

Владимир Степанович, дорогой! Этого не будет! Впереди у тебя — большая творческая дорога, пусть и не гладкая, пусть, как водится, изрытая рытвинами и ухабами (что поделать, в России живём!), но уже сегодня ты окружён читателями и почитателями, их «тьмы, и тьмы, и тьмы», тех, кто среди мириадов песен и мелодий выискивает звучание твоего чуть посаженного голоса и с наслаждением погружается в мир твоих мыслей и образов, понимая и разделяя твои взгляды, надежды и чаяния. Так что работай спокойно — на радость нам. Хотя спокойно работать ты не умеешь, твоя стихия — тянуть воз на пределе сверхчеловеческих сил, так, чтобы на лбу вздувались вены, в теле трещали сухожилия, а по жилам толчками текла алая, наполненная кислородом и страданием жизнь...